

Внешняя политика Екатерины II

Нетрудно заметить, что внутренняя политика Екатерины II не стремилась возратить русское общество к формам быта, существовавшим при Петре. Екатерина не подражала в этом Елизавете. Она желала широкой законодательной реформой поставить общественную жизнь России на общеевропейские основания и не могла осуществить своего плана: вместо общей реформы в русской жизни продолжали развиваться те явления, какие мы наблюдали в первой половине XVIII в. Однако, не подражая ни Петру, ни Елизавете, Екатерина еще менее подражала немецким правительствам, бывшим на Руси: при ней у дел стояли русские люди и интересы России понимались чисто по-русски. Екатерина была национальной государыней не менее, чем Елизавета.

И во внешних сношениях и столкновениях Екатерина не стремилась подражать кому бы то ни было из своих предшественников и вместе с тем умела понять исконные задачи русской политики и потому была прямой подражательницей Петра. Мы видели, что из трех вопросов русской внешней политики, стоявших на очереди при Петре, – шведского, польского и турецкого – Петр разрешил только первый. Его ближайшие преемники не разрешили ни второго, ни третьего. Их разрешила Екатерина II, и хотя некоторые и думают, что ее решение произведено с ошибками, тем не менее у Екатерины нельзя отнять той чести, что она поняла и счастливо закончила то, чего не успел закончить Петр. Ко времени Екатерины задачи России состояли в том, чтобы взять у Турции Крым и северные берега Черного моря, иначе говоря, достигнуть на юге естественных географических границ империи. По отношению к Польше задачи России состояли в том, чтобы освободить православно-русское население Польши от католическо-польского владычества, т. е. взять у Польши старорусские земли и достигнуть с этой стороны этнографических границ русской народности. Екатерина счастливо исполнила все это: Россия при ней завоевала Крым и берега Черного моря и присоединила от Польши все русские области, кроме Галиции. В этом заключались важнейшие результаты внешней политики Екатерины, увеличившей народонаселение империи на 12 млн. душ; но этим не исчерпывалось ее содержание.

Вступая на престол, Екатерина застала конец Семилетней войны в Европе, а в России – охлаждение к Австрии и сближение с Пруссией, наконец, приготовления к войне с Данией, сделанные Петром III. Прекратив их и сохранив нейтралитет в Семилетней войне, Екатерина уничтожила прусское влияние при русском дворе и постаралась поставить себя вне всяких союзов и дипломатических обязательств. Она хотела мира, чтобы упрочить свое положение, и избегала обязательств, чтобы развязать себе руки относительно Польши, где ожидали смерти Августа III и где следовало посадить удобного для России короля. Между тем европейские дворы искали союза с Россией, чтобы с ее помощью получить выгодные условия мира при окончании Семилетней войны, и потому Екатерине нужно было большое искусство и немало труда, чтобы от всех отделаться и никого не обидеть. «Со всеми государями Европы я веду себя, как искусная кокетка», – говорила сама о себе Екатерина. В сущности, ей не удалось достигнуть своей цели. Положение дел заставило Екатерину связать себя союзом с Пруссией, воевать в Польше и принять войну с Турцией, объявленную вследствие интриг Франции. Это были главнейшие внешние события первой половины царствования Екатерины. Все они находились в зависимости одно от другого и от внешнего положения дел в Европе. На первый взгляд, в них много случайного. Но Екатерина не руководилась только случайностями и мимолетными соображениями. С первых же лет ее политики у нее явилась известная политическая система, и, отзываясь на ту или другую политическую случайность, она сообразовалась с требованиями своей системы. Эта

система родилась в голове русского дипломата-немца Корфа, была разработана Паниным и принята Екатериной. Система была известна под своеобразным названием «Северного аккорда» и по содержанию была большой утопией. Корф и Панин желали «на севере составить знатный и сильный союз держав» из России, Пруссии, Польши, Англии и др. северных государств и с целями мира противопоставить его французско-австрийскому союзу. Невозможно было ждать, чтобы все северные государства, имевшие между собой много счетов и неудовольствий, могли сблизиться в прочный и долгий союз. Однако идея «Северного аккорда» была причиной разрыва традиционного союза России с Австрией, державшегося со времени Петра Великого. В 1764 г. Россия вступила в союз с врагом Австрии, Фридрихом Пруссим, для совместных действий в Польше.

Мы не станем останавливаться на внешних подробностях военных и политических событий времени Екатерины, весьма известных. Относительно первого раздела Польши, заметим лишь, что в тех религиозных и политических смутах, какие начались в Польше со смертью Августа III и вступлением на престол Августа IV (Понятовского), Россия была заинтересована более других соседей Польши, потому что ей приходилось одновременно защищать двоякого рода интересы: политические и религиозно-национальные. Как европейская держава, соседняя с Польшей, Россия не желала никаких перемен в Польше и договором 1768 г. гарантировала польскому королю неизменяемость политического строя Польши. Но как государство православное, Россия годом раньше добила важной реформы в польском государственном строе: всех политических прав для лиц, не исповедующих католицизм. Двойственность интересов создавала таким образом двойственность политики: защищая православие в Польше, Россия в то же время гарантировала неприкосновенность прав польских панов на православных крестьян. Одновременно с этим настойчивое вмешательство России в польскую жизнь создавало другое неудобство – боязнь чрезмерного усиления России. Франция, действовавшая против России прямо в самой Польше, действовала и посредством Турции: она подбила Турцию на войну, и с 1769 г. силы России поделились между двумя врагами.

Обе войны затянулись, но окончились успешно для России, несмотря на то, что польским конфедератам помогали Франция и Саксония, а Турции хотела помочь Австрия. Силы конфедерации были уничтожены, движение затихло и, пользуясь удобной минутой, Фридрих Прусский пустил в ход излюбленную свою мысль о разделе Польши между ее соседями: Россией, Пруссией и Австрией. Мысль эта была стара; с планами раздела был знаком еще Петр I и не сочувствовал им. Но Екатерина согласилась на раздел потому, что была под сильным давлением Пруссии и Австрии, не могла им дать отпора, находясь в войне с Турцией. Вслед за С. М. Соловьевым мы склонны думать, что, получив в 1772-1773 гг. Белоруссию, Екатерина не была довольна исходом дела, потому что чувствовала всю горечь невольных, вынужденных уступок и союзнице своей Пруссии, и явно враждебной Австрии. Вряд ли мог быть доволен и Панин, система которого нарушалась разделом Польши и участием в нем Австрии.

Зато императрицу могли радовать успехи против турок. Несмотря на ряд политических затруднений, война со стороны России была ведена энергично. Русский флот обошел всю Европу, явился в Архипелаге, возмущил Морею против турок и одерживал над ними победы. Правда, он не мог, как было предположено, пройти в Черное море, ибо турки укрепили Дарданеллы; но эффект от блестящего морского предприятия получился полный как в Турции, так и в Европе. Не менее блестяще были победы Румянцева, перешедшего даже Дунай, и кн. Долгорукого, занявшего весь Крым. Мир 1774 г. дал России берега Черного и Азовского морей и сделал крымского хана независимым от Турции. Результатом этих условий явилось

присоединение в 1783 г. Крыма. Таким образом, цель была достигнута: на юге приобретены естественные границы.

1774-м годом окончился первый, трудный и тревожный период екатерининских войн. Сложные дипломатические комбинации, направленные против России во время этих войн, потеряли свою остроту и опасность. Военное могущество России было доказано и давало русской дипломатии весьма уверенный тон, высокое чувство собственного достоинства и сознание силы представляемого ею государства. У Екатерины и ее помощников (особенно у Г. А. Потемкина) росли грандиозные планы завоеваний, зрел так называемый «греческий проект». Он состоял в том, чтобы завоевать Турцию, которая казалась уже очень слабым государством, и на ее месте восстановить Греческую империю с русским правительством. История этого проекта, быть может, находится в связи с древнерусскими мечтами о взятии Царьграда и с планом турецкой войны Петра в 1711 г. Взятый же отдельно, греческий проект представляется блестящей мечтой, но невыполнимым делом; однако к этому делу шли приготовления: был занят Крым, колонизовался и устраивался Черноморский край (Новая Россия), заводился черноморский флот. Для действий против Турции Екатерина вступила даже в союз с Австрией и оставила союз с Пруссией.

Эта перемена союза в 1787 г. и воинственные замыслы России послужили причиной новых войн, упавших на Россию во вторую половину царствования Екатерины. Пруссия и Англия, ее союзница, подняли Турцию на новую войну с Россией (1787-1791) и вызвали на то же самое Швецию (1788-1790). Шведская война кончилась ничем, от Турции Россия получила Очаков. Еще не окончились эти войны, как Екатерина должна была вмешаться в польские дела. 3 мая 1791 г. в Польше было провозглашено новое государственное устройство при тайном сочувствии и участии Пруссии в этом перевороте. Но Россия, гарантировавшая неприкосновенность старого польского устройства, немедленно послала в Польшу войска. В 1793 г. к русским войскам присоединились прусские и произведен был второй раздел Польши, давший России 4500 квадратных миль. Когда же в Польше явилась попытка восстановить прежние границы, то в 1795 г. последовало окончательное уничтожение Польского государства. По третьему разделу Россия получила Литву и Курляндию. Этим закончилась вторая серия екатерининских войн, доставившая России новые завоевания. Русские земли, в течение многих веков бывшие под властью Литвы и Польши, возвратились к России; взято было много и лишнего. Но Червонная Русь, или Галиция, отдана была Австрии.

Таково в кратких чертах содержание внешней политики Екатерины и результаты, ею достигнутые. При постоянном воздействии западных держав, при очень сложных политических затруднениях дипломатия Екатерины не всегда могла достигнуть того, к чему стремилась, не всегда ясно сознавала, к чему ей следует стремиться, – словом, терпела неудачи и делала ошибки, но завершила успешным концом вековые стремления нашего племени и, оканчивая решение старых задач, спешила ставить новые, вроде «аккорда» и греческого проекта, не всегда вытекавшие из реальных потребностей времени и народа, но иногда близкие народному делу.